

Гиганты Азии

Новую децентрализацию обсуждает и Шанхай

Сравнение тезисов протагонистов из Гуанчжоуского института региона Большого залива с концепцией *«равновесия властей»*, которую продвигают школы Пекина, Гуандуна и Шанхая, подтверждает, что государственную оболочку китайской державы также можно исследовать с помощью марксистского критерия вариаций и градаций *империалистической демократии*, закономерности которой проявляются и в государстве китайского империализма.

Прежде всего, речь идёт об изучении однопартийного плюрализма или формально китайской многопартийной системы, если включить в неё восемь уполномоченных партий, которые предоставили несколько важных личностей и министров. В Китае существует множество государственных и политических надстроек и в любом случае присутствуют различные формы равновесия властей, в котором находит своё выражение плюралистическая политическая борьба правящего класса. Анализ этого плюрализма является плодотворным, даже несмотря на то, что он находит выражение внутри единственной партии-государства, поскольку позволяет нам определить расстановку сил и ключевые узлы в борьбе.

Во-вторых, речь идёт о возвращении китайского политического процесса к противостоянию действительных сил буржуазной фракционности, изучению их регионализации и интернационализации. Для марксизма, поскольку власть имеет реальную экономическую основу, именно плюрализм экономических сил рождает плюрализм сил политических. В этом смысле, пишет Черветто в известном отрывке из *«Политической оболочки»*, равновесие властей является не чем иным, как *«равновесием политических волей буржуазных фракций в рамках определённых специфических институтов»*¹. Материалистически анализируемое противостояние в рамках *«равновесия властей»* в Китае, в рамках *«определённых специфических институтов»* китайской системы, является не абстрактным или академическим подтверждением политической закономерности, а эффективным инструментом анализа процесса централизации плюрализма сил, особенно когда равновесие властей в явном виде устанавливается через диалектику отношений региональных сил.

Баланс региональных толчков

Руководство Си Цзиньпина сталкивается с дилеммами социальной и политической реструктуризации, сопровождающей подъём Китая, и подчёркивает централистскую черту государства, но в то же время оно должно дать представительство некоторым крупным регионам, которые имеют вес в Политбюро ЦК КПК и поддерживаются экономическими и финансовыми силами, которые сейчас сопоставимы со средними азиатскими державами. Вопрос о балансе централизации, с которым сталкиваются такие крупные региональные силы, как Пекин, Шанхай, Гуандун и Чунцин, рассматривается Лу Мином в книге *«Great Power Economics»*, опубликованной в 2023 г. Shanghai People's Publishing House.

Лу Мин, также входящий в состав правления Гуанчжоуского института, руководит Институтом народного хозяйства Шанхайского Университета Цзяотун, основанного в 1896 г. по инициативе первых китайских модернизаторов – подражателей японской Реставрации Мэйдзи. Его анализ показывает связь политических линий *«равновесия властей»* с давлением регионов. Автор рассматривает специфику китайского государства, характеризующуюся *«огромными масштабами»* территории, *«огромными региональными различиями»* и вытекающими отсюда *«институциональными проблемами»*. Роль государства в Китае часто обсуждалась без *«глубокого понимания административных отношений между центральным правительством и местными органами власти»*, динамических отношений в китайской политике. Общий тезис таков: существует *«маятник отношений между центром и местами»*, качнувшийся в направлении децентрализации в 1980-х и 1990-х гг., а затем вернувшийся к *«центральной координации»* и централизации в первые два десятилетия нового столетия. Лу Мин предполагает ещё два пятнадцатилетних

цикла в 2035 и 2050 гг. – в ключевые даты подъёма Китая. Но сначала проследим за его реконструкцией.

Маятник централизации

«Становление динамических отношений между центром и местами требует времени и пространства». Автор напоминает о некоторых политических закономерностях государственных структур континентального масштаба, где равновесие властей обязательно включает в себя динамические отношения между территориальными властями, а сроки политического процесса растянуты из-за сложности их централизации. В Китае административная структура включает 34 образования провинциального уровня (автор включает Тайвань), 333 округа и 2844 уезда – это наиболее распространённые и древние единицы: требуется много времени, чтобы равновесие властей охватило движение *«динамических циклов»*, даже если само направление – несмотря на борьбу и противоречия – может быть определено выбором центрального руководства и опережающей инициативой некоторых ключевых регионов.

В 2002 г. маятник политических отношений качнулся обратно от децентрализации и *«локальной рекогносцировки»* к координации со стороны центра: *«реформы»* 1980-х гг. начались в прибрежных провинциях, и развитие неизбежно было несбалансированным. Однако, по мнению Лу, изменение баланса в сторону *«одновременного развития нескольких регионов»*, а затем в сторону *«западно-ориентированного развития»* центрального Китая и Маньчжурии повлекло за собой неизбежную *«потерю эффективности»*. На просьбу Пекина о том, чтобы южные и восточные провинции начали больше поддерживать внутренние районы, Гуандун ответил, представив *«Зону экономического сотрудничества Южного Китая»*, простирающуюся до Сычуани и отделённую от Чунцина в 1997 г. В 2003 г. она приняла форму региона пан-дельты Жемчужной реки (Pan-PRD), включающего 9 провинций. В 2017 г. Гуандуном, Гонконгом и Макао была создана агломерация Большого залива.

Новый цикл суперпровинций

В исследовании Лу Мина маятник баланса сил приобретает определённые региональные коннотации: гипотеза возникновения южно-китайской зоны предстаёт как карта переговоров относительно создания региона Большого Кантонского залива или, возможно, как слишком обширная инициатива, которая поэтому откладывается; Шанхай, кажется, опережает Кантон, а регион реки Янцзы оставался более свободным до 2019 г., в то время как в районе вокруг Пекина мало места для реконструкции; наконец, на горизонте остаётся регулярное контрдвижение Западного Китая, сегодня нацеленное на связку городов Чунцин – Чэнду. Инициатива провинций соответствует движению за рецентрализацию 2000-х гг., фактически завершённое Си Цзиньпином. Региональная динамика закладывает основы *«нового цикла отношений»*.

Это может показаться удивительным, но, по словам Лу, с третьим мандатом Си Цзиньпина *«маятник отношений между центром и местными властями начнёт смещаться в сторону децентрализации, открывая новый динамический цикл»*: именно центральное руководство само *«продвигает некоторые регионы, потому что они сами проявляют инициативу»*. В 14-м пятилетнем плане (2021–2025 гг.), продлённом до 2035 г., Восточному Китаю поставлена задача ускорить модернизацию, *«использовать преимущества регионов Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй и дельты реки Янцзы»* и *«сосредоточиться»* на Большом заливе Гуандуна. Новый цикл децентрализации, по существу, предполагает более высокую степень централизации в трёх суперпровинциях Восточного Китая, хотя и Западный тоже упоминается. Неразрешённая диалектика синтеза плюрализма сил, в том числе и в китайской оболочке, сочетает в себе все движения централизации и децентрализации.

Внутренняя политика двойной циркуляции

Однако, столкнувшись с напряжённостью, вызванной консолидацией крупных региональных территорий, децентрализация нового цикла требует сильной *«гарантии единого рынка со стороны китайской политической системы»*. Лу Мин даёт политическую интерпретацию *«двойной циркуляции»* – реформистской программы, которая связывает развитие внутреннего рынка (внутренняя циркуляция) с подтверждением открытия Китая

для импорта и экспорта товаров и капитала (внешняя циркуляция). Провинции, по самой своей природе, являющиеся «двойными представителями общих и локальных интересов», могут выражать «неизбежно частные» интересы и «отклоняться от общих интересов». Местные органы власти «предотвращают свободный поток факторов производства в другие регионы [...]». Именно поэтому центральное правительство предложило облегчить двойную циркуляцию», или внутреннюю циркуляцию против «локального протекционизма». «Препятствия на пути свободного движения факторов производства», по существу, касаются «рынков труда, земли и капитала». Как и в других своих разработках, Лу также поддерживает отмену системы регистрации семей хукоу, поскольку она разделяет рынок рабочей силы и лишает части благосостояния перетекающее население – рабочих-мигрантов и «городское население, которое перемещается из одного региона в другой». Менее известный аспект касается рынка земли: «Количество земель, используемых для городского строительства, зависит от доли земель под застройку, выделенных с центрального уровня на местный». С 2003 г. большая часть квот досталась внутреннему Жёлтому Китаю, тогда как в прибрежных районах предложение земли сократилось. Только в 2016 г. правительство выдвинуло гипотезу о том, что увеличение объёма выделенных земель под городскую застройку связано с тенденцией поглощения мигрантов, тем самым связав реформу хукоу с земельной реформой. Неизбежно, что такое сочетание факторов ставит фискальный вопрос – основу любой централизации. Фактически, по мнению Лу, «фискальные поступления должны быть централизованы».

Май 2024 г.

¹ - Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2010. С. 45.